

тор предстает перед вами как человек, хорошо знающий свою страну, различные города, дворцовый быт, военное дело, современных ему исторических деятелей». Его произведения «служат неоценимым источником сведений о хозяйстве, быте, вооружении... феодальной Руси». «Детали техники подсечного земледелия, колесный плуг XV в., способы размола зерна в бочках, монастырская варница с водопроводом — все это видно на его рисунках». В этих рисунках «подробно вскрыты различные производственные моменты», в частности техника литья больших медных предметов⁷⁵ и т. д. и т. п. Когда художник рисует определенное и хорошо ему известное сооружение, по его рисунку возможно бывает восстановить первоначальные формы здания, впоследствии измененного перестройками или вовсе разрушенного.⁷⁶

Для понимания особенностей древнерусского искусства важно установить, что подобная точность передачи тех или иных предметов и явлений, при условных приемах изображения, вызвана часто совсем не требованиями сюжета, что причина ее в этих случаях — живой интерес художника к реальным подробностям, которые дополняют и позволяют конкретизировать представляемое событие. Вот перед нами миниатюры, украшающие книги и изображающие авторов этих книг, занятых своим трудом, например, изображения четырех евангелистов. Художник представил их в характерные и вместе с тем различные моменты работы. В раскрытых книгах он показал подготовленные к письму, определенным образом разграфленные листы. На столе рядом — нарисовал всевозможные принадлежности, употребляемые в книжном деле. По этим своеобразным «портретам», по реальным подробностям, которые внесены в них художником, можно составить себе ясное представление о том, как и чем работал книгописец древней Руси.

Но правдивость передачи отдельных подробностей свойственна также изображениям далеких от художников предметов и явлений, например изображениям на темы «древней» — библейской, греческой и римской — истории. В самом деле, разве нельзя было бы изучить по памятникам древнерусской живописи некоторые античные и восточные одежды благодаря той точности, с которой эти одежды и способ их ношения переданы художником древней Руси? Если бы он не придавал значения этой реальной подробности, не интересовался ею, художественная традиция не сохраняла бы ее в течение столетий и исказила, как исказила формы античного горного ландшафта или античной архитектуры, хотя в передаче последней можно найти иногда отдельные реальные, археологически верные черты.⁷⁷

Равным образом художника интересовали некоторые стороны жизни далеких зарубежных стран. Он прекрасно знал различие в оружии, доспехах и модах людей Востока и Запада, четко проводил это различие в своих изображениях. Умело рисовал и шведские ладьи со щитами на бортах, и английские резные корабли. Он мог изобразить многих экзотических зверей: льва, слона, обезьяну, верблюда...⁷⁸

Верность изображения отдельных предметов и явлений важно отметить потому, что эту верность деталей можно проследить в композициях

Э. Р и к м а н. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, вып. 47. М., 1952.

⁷⁵ Б. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир», стр. 37—38.

⁷⁶ А. Мацулевич. Церковь Успения на Волотовом поле. Памятники древнерусского искусства, изд. Академии художеств, вып. IV. СПб., 1912; Н. Воронин. Хутынский столп 1535 г. Советская археология, т. VII. М.—Л., 1946.

⁷⁷ Ю. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование. В кн.: Практика реставрационных работ, сб. 1. М., 1950, стр. 151.

⁷⁸ Б. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир», стр. 37—38.